

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СЕРЕДИНЕ 1950-х ГОДОВ

УДК: 728: 72.03
ББК: 85.113(2)

Меерович Марк Григорьевич

доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный технический университет,
Иркутск, Россия, e-mail: memark@inbox.ru

Аннотация

На материале Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» раскрывается механизм принудительного воздействия власти на архитектурное сообщество с целью изменения творческой направленности советской архитектуры в соответствии с выдвинутыми в процессе реализации хрущевской жилищной реформы задачами создания индустрии массового поточно-конвейерного градостроительного проектирования и крупнопанельного жилищного строительства, а также неразрывно связанных с этим типологических проблем сборного домостроения.

Ключевые слова

хрущевская жилищная реформа, крупнопанельное домостроительство

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН. 2016-2017 гг. Проект № 1.2.9

Введение

Советская административная система не оставляла своим подчиненным, в том числе и имеющим специальность архитектора, каких-либо возможностей для независимой деятельности и самостоятельного мышления, свободного от официальных идеологических стереотипов. После роспуска в 1932 г. творческих архитектурных группировок и формирования Союза советских архитекторов как органа управления проектным творчеством [12] специальность архитектора была окончательно превращена из свободной, саморегулируемой профессии в государственную службу. Власть дотягивалась до самых дальних уголков архитектурной профессии и прилагала немало усилий для формирования требуемого ей мировоззрения, потому что основной задачей архитектурного сообщества как категории государственных служащих, мало чем отличавшихся от других, было исполнять решения партийно-советского руководства.

Созданные в сталинский период система проектного дела и система управления и контроля над архитектурным творчеством со стороны государства функционировали в полном соответствии с целями их создателей. Лишь с приходом к власти Н.С. Хрущева, в атмосфере наступившей социально-культурной оттепели, с исчезновением страха перед возможными репрессиями за любые критические высказывания в адрес высшего руководства интеллектуальный потенциал профессионального сообщества обрел некоторое самовыражение в возникновении довольно широкого спектра неформальных форм профессиональной коммуникации: стихийных диспутов, публичных дискуссий, научных обсуждений проблем теории и методологии. И даже самодеятельных музыкально-сатирических ансамблей.

Однако профессиональная деятельность и культура подверглись в хрущевский период

столь же жесткой принудительной перестройке, как и в сталинский, когда творческие методы советских архитекторов приводились к единому знаменателю под названием «освоение культурного наследия», оформившегося впоследствии в специфическую стилистическую форму «сталинского ампира».

Актуальность. История советской архитектуры представляет собой набор до сих пор не разъясненных данностей. Есть нормы, но нет ответа на вопрос, откуда они взялись; есть проекты, но непонятно, почему они такие, а не иные; известна социальная структура общества, но отсутствуют разъяснения, каким образом она сформировалась; есть средние показатели обеспеченности жилой площадью, но нет объяснений того, кто и как эту обеспеченность регулировал; есть типология жилища, но нет разъяснений, каким образом, чьими усилиями и чьими распоряжениями она была сформирована именно в таком виде; известны правительственные постановления, но нет анализа причин их принятия [16].

Этот провал в историко-архитектурных знаниях в полной мере и с особенной остротой проявляется и по отношению к десятилетнему периоду нахождения у власти Героя Советского Союза, трижды Героя Социалистического Труда Никиты Сергеевича Хрущева, занимавшего в 1953–1964 гг. высшую должность в Советском Союзе – Первого секретаря ЦК КПСС, реформы которого произвели кардинальные изменения не только во многих областях жизни и хозяйственной деятельности, но и в культуре, теории, профессиональной идеологии, методологическом обеспечении архитектурного творчества.

Цель исследования. На материале партийно-правительственных постановлений раскрыть приемы принудительного воздействия власти на архитектурное сообщество, которые в процессе реализации хрущевской жилищной реформы использовались для того, чтобы принудить архитекторов исполнять задачи по проектному обеспечению индустрии массового поточно-конвейерного крупнопанельного жилищного строительства, а также неразрывно связанных с этим типологических проблем сборного домостроения.

Новизна. Принудительные методы трансформации советской властью профессионального мышления и профессиональной культуры архитекторов не были за редким исключением [13] предметом сосредоточенного изучения, несмотря на то, что и сталинская «перестройка» профессионального сообщества в ходе конкурса на Дворец Советов, и хрущевская идеологическая и должностная «проработка» архитекторов на самом высшем уровне партийно-правительственных решений, оставили в коллективном бессознательном профессии тяжелые воспоминания.

Хронологические границы исследования. Исследование центрировано на конкретной дате – 4 ноября 1955 г., когда Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». При этом для осуществления сравнительного анализа приходилось использовать исторические материалы, относящиеся к предшествовавшему периоду.

Методика

Использованы методы сравнительного и системного анализов, позволившие рассмотреть содержание партийно-правительственных постановлений, действовавших на архитектурное сообщество с целью изменения творческой направленности советской архитектуры в период хрущевской жилищной реформы.

Контекстуальный метод исследования позволил раскрыть влияние социально-политического контекста изучаемого периода на архитектурно-градостроительные феномены.

Основная часть

Хрущевский период, связанный с массовым появлением на территории страны типовой панельной застройки, до недавнего времени почти не привлекал внимания исследователей-

архитекторов, не выступал предметом научного изучения. Отсутствию внимания к нему способствовало то, что в советском архитектурном сообществе хрущевские реформы воспринимались как подлинная профессиональная драма, потому что были связаны с очевидной утратой того высокого общественного статуса, который профессия архитектора имела во времена правления И.В. Сталина. Негативный отпечаток на историческую память наложило и то, что после начала кардинальной перестройки строительной отрасли с приходом к власти Н.С. Хрущева руководство страной с целью принуждения профессионального сообщества архитекторов к работе в условиях реформируемой государством системы массового жилищного строительства применило к нему все те политические и идеологические механизмы воздействия, которые в сталинский период были использованы в борьбе за объединение архитекторов «на платформе соцреализма». Причем сделало это даже еще более вызывающе и демонстративно (хотя и без человеческих жертв), чем в сталинский период.

Массовая реализация хрущевской общегосударственной программы перестройки системы гражданского проектирования и строительства началось так же, как и любая другая общегосударственная реформа в Советском Союзе – с громкого обозначения проблемы. В данном случае это была проблема острейшего дефицита жилья в стране и низкого качества существовавшего жилого фонда, в массе своей неблагоустроенного. После чего руководство страной, обновленное после смерти Сталина, в своем специальном постановлении¹ поведало народу, что оказывается «истинными» виновниками жилищного кризиса в стране были ... архитекторы! Выяснилось, что это именно они долгие годы проектировали «башенные надстройки, многочисленные декоративные колоннады и портики, сложные карнизы и дорогостоящие детали, придающие домам архаичный вид, декоративные аркады и другие архитектурные излишества, заимствованные из прошлого»². Именно из-за «внешне показной стороны архитектуры, изобилующей большими излишествами», которые в работе советских архитекторов «получили широкое распространение»³, происходил многолетний перерасход государственных средств, заботливо направляемых партией и правительством на жилищное строительство.

Архитектурные элементы – лепнина, декор, балюстрады, карнизы, шпили, еще вчера так горячо любимые партийно-советскими заказчиками (руководством министерств и ведомств, администрацией союзных республик, местными органами власти в лице руководителей обл(край)исполкомов и горисполкомов, секретарями горкомов и обкомов партии и т.п.) сегодня неожиданно оказались вредными «излишествами». И партия публично возложила вину за формирование парадно-ансамблевой застройки в стиле «сталинский ампир» не на государственно-ведомственных заказчиков, не на органы согласования и утверждения проектной документации, не на многочисленные контролирующие структуры, а на ... «многих архитекторов и проектные организации»⁴. Совершенно при этом «запамятовав» о том, что вовсе не сами архитекторы определяли направленность архитектурной политики в стране, что любые архитектурно-планировочные решения на всех уровнях в течение всего сталинского периода рассматривались и утверждались именно партийно-советскими структурами. «Забыв» о том, что партия для того и разогнала в 1932 г. творческие архитектурные группировки, чтобы обеспечить тотальный контроль государственной цензуры над деятельностью всех без исключения архитекторов, для того чтобы превратить их, точно так же как и представителей других творческих профессий, в послушных исполнителей партийно-правительственных указаний [10–12], «упустив из виду» тот факт, что изобиловавший «излишествами» «сталинский ампир», совершенно официально существовал и реализовался в предшествовавшие десятилетия не сам по себе, а под полным контролем органов власти всех уровней и при обязательном согласовании особенно значимых объектов с партийными инстанциями, без чего в СССР никакое мало-мальски крупное строительство было абсолютно невозможным.

«Обнаружив» перерасход архитекторами государственных средств на декоративные

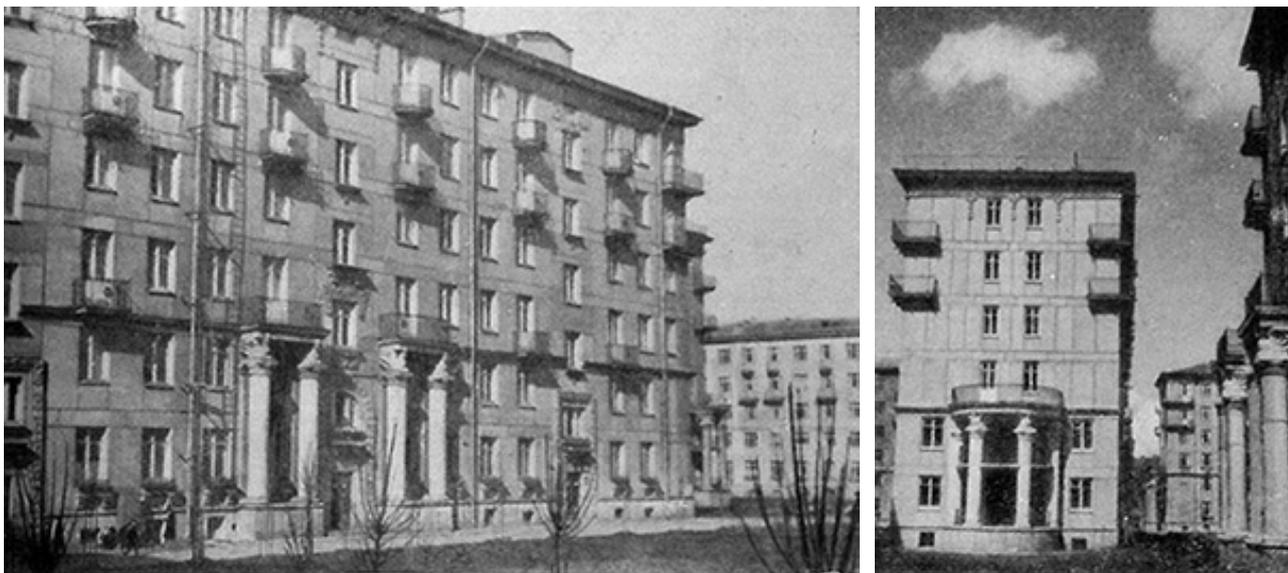

Рис. 1. Жилой дом на проспекте им. Сталина (квартал 13). Арх. Б. Журавлев, В. Васильковский, А. Кац, А. Сибиряков. Ленинград, 1954 Источник: Кружков Н. Кому же помешал авторский надзор? – URL.: <http://retrofonoteka.ru/sovarch/archnadzor.htm>

элементы, облицовочную фасадную керамическую плитку, эркеры, башни, шпили и высотные силуэты, высшие органы власти страны решительно заявили, что подобное явление «не соответствует линии Партии и Правительства в архитектурно-строительном деле»⁵, что оно категорически нетерпимо и должно быть незамедлительно искоренено. Центральный Комитет КПСС вместе с Советом Министров СССР законодательно (в своем Постановлении) указали на виновников-архитекторов, некоторых назвав поименно, а кого-то вообще предписав уволить с занимаемых должностей⁶, будто бы не этот же самый ЦК КПСС все предыдущие годы направлял художественную политику в архитектуре в только ему ведомом «идеологически правильном» направлении и будто бы не тот же самый Совет Министров последовательно и неуклонно реализовал эту политику.

Так, в числе конкретных виновников разбазаривания государственных средств на архитектурные излишества были названы ленинградские архитекторы: Б.Н. Журавлев, который в крупноблочном доме, строящемся на проспекте им. Сталина в Ленинграде спроектировал «приставную колоннаду высотой в два этажа» (рис. 1), и главный архитектор города В.А. Каменский, по проектам которого на проспекте Стачек были построены «дома с архаичным оформлением фасадов, с тяжелой рустовкой и сложными карнизами»⁷.

Правда, партия забыла упомянуть о том, что еще двадцать лет назад ЦК ВКП(б) и СНК СССР сформулировали требование, которое на протяжении всех лет существования сталинского режима неукоснительно реализовалось: «ЦК ВКП(б) и СНК СССР считают, что во всей работе по перепланировке города должно быть достигнуто целостное архитектурное оформление площадей, магистралей, набережных, парков с использованием при строительстве жилых и общественных зданий лучших образцов классической и новой архитектуры, а также всех достижений архитектурно-строительной техники»⁸. Как и любое другое, данное постановление послушно исполняли сотни тысяч советских архитекторов. В том числе и Б.Н. Журавлев с В.А. Каменским. И вот теперь Центральный комитет партии обвинял архитекторов в том, что они, воплощая его же собственные постановления, используют при строительстве жилых зданий лучшие образцы классической архитектуры.

В числе наиболее «отъявленных» любителей архитектурных излишеств Постановление почему-то назвало архитектора М.А. Усейнова, который, как вскрылось, «некритически переносил на архитектуру современных зданий формы средневековой восточной архитектуры»⁹. Удивительным здесь было все. И то, что среди практически всех крупных

Рис. 2. Жилой дом треста «Бузовнынефть». Арх. С. Дадашев, М. Усейнов. Баку. Источник: Жилой дом треста «Бузовнынефть». – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилой_дом_треста_«Бузовнынефть»

городов Советского Союза, в центрах которых за двадцать лет сталинского ампира понастроилось немало зданий «с эркерами, лоджиями и башенными надстройками», были выбраны всего лишь два конкретных республиканских примера – Баку и Тбилиси (правда, в тексте постановления были критически упомянуты еще две республиканские столицы – Киев и Минск, но без указания конкретных зданий и фамилий). И то, что среди азербайджанских архитекторов объектом критики определен именно Усейнов. И то, что в качестве примера здания, изобиловавшего излишествами, было выбрано сооружение слишком уж «пенсионного» возраста – дом, подвергшийся осуждению в Постановлении, был спроектирован за десять лет до этого – в 1945 г. [6] (рис. 2).

Постановление с осуждением отмечало, что при строительстве административного здания комбината «Грузуголь» (рис. 3) в Тбилиси архитекторами Чхиквадзе и Чхеидзе была сооружена декоративная практически не используемая башня высотой 55 м стоимостью 3 млн. руб.; затраты на облицовку фасадов этого здания составили 8,1 млн. руб. или 33% общей стоимости строительства. А стоимость отделки фасадов другого строящегося в Грузинской ССР здания – Министерства сельского хозяйства (арх. Парцхалаишвили и Тавдгиридзе) составляла 3,9 млн. руб., или 32% общей стоимости здания.

По мнению партии, в обоих этих случаях виновными в перерасходе средств были исключительно архитекторы, а вовсе не их ведомственные заказчики или советы народных

Рис. 3. Здание треста «Грузуголь». Арх. К. Чхеидзе, М. Чхиквадзе. Тбилиси.

Источник: Здание Грузугля (Тбилиси). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Здание_Грузугля_

комиссаров союзных и автономных республик, краевых, областных, районных исполнительных комитетов и городских советов, которым с 1934 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 3 сентября 1934 г. N 2050 «О прекращении беспроектного и бессметного строительства» вменялась обязанность осуществлять контроль «над производством всех строительных и монтажных работ ...»¹⁰. Кстати, и осуществлять любое строительство дозволялось только «при наличии ... проектов, утвержденных в полном соответствии с установленным законом порядком» и строго на основе смет к ним¹¹. Но об этих контролирующих инстанциях ЦК и Совмин начисто забыли, указывая в качестве основных виновников «излишеств» исключительно архитекторов и публично клеймя их в своем постановлении.

Постановление обличало архитектора А.Н. Душкина: «Наибольшие излишества допущены в зданиях вокзалов, построенных по проектам архитектора Душкина. В запроектированных им вокзалах в

городах Днепропетровске, Симферополе и Сочи объем зданий завышен по сравнению с действующими нормами на 180–190 проц., а стоимость строительства увеличена в два-три раза»¹². Постановление также констатировало, что излишества были допущены Душкиным и в зданиях вокзалов других городов – Краснодара, Армавира, Брянска, Витебска, Смоленска и проч.¹³. Необъяснимым образом вина опять пала на архитектора, будто бы он самолично уговаривал министра путей сообщения СССР выбрать облицовку подороже и побогаче, а тот просил попроще и поскромнее, но Алексей Николаевич, несмотря на возражения своего непосредственного начальника, самовольно скомандовал строителям облицевать фасады мрамором и повесить на них побольше лепнины. И с датами проектирования этих зданий также не все было последовательно логичным – уж очень «древними» они были: вокзал в Днепропетровске построен в 1950 г., в Сочи – в 1951 г. [1], вокзал в Симферополе – в 1951 г. [14], а спроектирован намного раньше – лет за 6 до этого (рис. 4, 5).

Вину за допускаявшиеся на территории страны «излишества» возложили не только на проектировщиков, но и на главных архитекторов городов, опять же умолчав о том, что единственными заказчиками архитектурных проектов в СССР и, соответственно, основными согласующими органами являлось либо руководство ведомств, либо партийно-советское руководство на местах. В стране никаких иных источников заказов на городское строительство и никаких иных ресурсов финансирования проектных, а затем и строительных работ попросту не существовало. Как следствие, в ведомственных проектных организациях архитекторы–руководители мастерских полностью подчинялись министерскому начальству, и в структуре органов управления на местах точно так же решения главных архитекторов городов были полностью подконтрольны местному партийно-советскому руководству. То есть вовсе не главные архитекторы, а председатели исполкомов городов и поселков принимали решения по одобрению архитектурных проектов. Но «не замечая» этого очевидного факта,

Рис. 4. Железнодорожный вокзал. Арх. А. Душкин. Сочи. Источник: Алексей Николаевич Душкин. – URL: [https://www.rzd-expo.ru/history/construction/Railways_of_the_Crimea/Dushkin/?](https://www.rzd-expo.ru/history/construction/Railways_of_the_Crimea/Dushkin/)

постановление сурово клеймило: «Бывшие главные архитекторы г. Москвы гг. Чечулин и Власов не только не вели должной борьбы с расточительством государственных средств при проектировании и строительстве, но и сами допускали в разрабатываемых ими проектах излишества ... главный архитектор г. Горького т. Гречихин в июне 1955 года, несмотря на предложение Министерства речного флота исключить декоративную башню из проекта жилого дома по Октябрьской улице, требовал обязательного ее сохранения...»¹⁴.

Помимо конкретных архитекторов, партия легко обнаружила и отдельные институции, которые, как оказалось, также были напрямую виновными в распространении и популяризации архитектурных излишеств. В частности, ответственной за неправильный отбор лучших произведений архитектуры для награждения их авторов высшими наградами страны была названа Архитектурная секция Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Оказывается, это она сыграла ведущую роль в ошибочном присуждении государственных наград, поскольку подготавливала «предложения о присуждения Сталинских премий за работы, содержащие крупные излишества и неправильные архитектурно-планировочные решения»¹⁵.

И снова партия умолчала о том, что совсем недавно – за два с половиной года до этого, она уже осуществляла кардинальную перестройку деятельности Комитета по Сталинским премиям, именно в целях повышения объективности в выдвижении произведений, их обсуждении и оценки¹⁶. Как раз для того, чтобы присуждение премий соответствовало духу и букве государственной культурной политики, в том числе в сферах литературы, театрального искусства и архитектуры. Партия «искоренила все существовавшие ранее крупные недостатки» в работе Комитета: а) был сокращен и персонально изменен состав членов Комитета, б) изменены формы работы, в) внесены «коренные изменения в существовавший порядок присуждения Сталинских премий». Право выходить с предложениями по выдвижению кандидатов на Сталинские премии было предоставлено творческим союзам и, в частности Союзу советских архитекторов¹⁷. Казалось бы, все приведено в полное соответствие с

Рис. 5. Железнодорожный вокзал. Симферополь. Арх. А. Душкин. Источник: Алексей Душкин. Железнодорожный вокзал в Симферополе. – URL: <http://synthart.livejournal.com/107881.html>

партийным пониманием того, как следует «правильно отражать общественное мнение» в деле присуждения главной творческой награды страны¹⁸ ... И вот опять «недогляд». И опять – вина на исполнителях.

Как следствие, постановление не оставило без острой критики и Союз архитекторов: «Большая ответственность за отрыв архитектуры от насущных задач строительства ложится на Союз советских архитекторов СССР, бывшие руководители которого (т.т. Чернышев, Рзянин, Захаров) не поняли необходимости устранения излишеств в строительстве и под флагом борьбы с конструктивизмом содействовали распространению этих излишеств. Союз советских архитекторов СССР не уделял должного внимания вопросам массового строительства и не направлял архитекторов – членов Союза на активное участие в разработке типовых проектов»¹⁹. С точки зрения власти, это порицание было более чем справедливым, ведь Союз советских архитекторов для того и создавался, чтобы контролировать соответствие направленности архитектурной деятельности той государственной идеологии и вытекающей из нее культурной политике, которая постулировалась на том или ином этапе существования страны ее партийно-советским руководством [12]. Правление Союза назначалось властью в соответствии с сформированной самой же властью (за счет раздачи наград, премий, званий и титулов) иерархией мастеров советской архитектуры. Так, в первый президиум Оргкомитета Союза решением Комиссии ЦК ВКП(б), специально сформированной для решения всех вопросов, связанных с «созданием творческих союзов» [7, с. 175], были определены: К.С. Алабян, А. Александров, В.А. Веснин, И.В. Жолтовский, Б.М. Иофан, Н.Я. Колли, М.В. Крюков, С.Е. Чернышёв, И. Шафран, В.А. Щуко и А.В. Щусев... [12]. А в дальнейшем высочайшие назначения осуществлялись под прикрытием якобы свободного волеизъявления членов союза в форме голосования по предлагавшемуся списку (всегда безвариантному).

Досталось и руководству Академии архитектуры – выяснилось, что президент Академии архитектуры СССР А.Г. Мордвинов чуть ли не лично «ориентировал архитекторов на решение главным образом внешних сторон архитектуры, в ущерб удобствам планировки,

Рис. 6. Гостиница «Ленинградская». Арх. Л. Поляков и А. Борецкий. Москва. Источник: Сталинская высотка – гостиница «Ленинградская». – URL: <http://mos-holidays.ru/stalinskaya-vysotka-gostinica-leningradskaya/>

технической целесообразности, экономичности строительства и эксплуатации зданий...»²⁰. За это бдительными партийными органами (которые почему-то до этого момента не обращали на эти вопиющие факты никакого внимания на протяжении почти четверти века сталинского всевластия) он был снят с занимаемой должности, а Академия архитектуры была ликвидирована.

Архитектурное сообщество восприняло хрущевскую жилищную реформу как «смерть профессии», потому что индивидуальное проектирование – основа архитектурного творчества – было осуждено на самом высоком официальном уровне как основная причина архитектурных излишеств. Так, высший распорядительный документ – Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР – однозначно указывало: «значительная часть жилых, гражданских зданий и большая часть промышленных зданий строятся все еще по индивидуальным проектам, что является одной из главных причин, порождающих излишества. ... В г. Ленинграде из 353 строящихся жилых домов по типовым проектам строится только 14 домов. В гг. Харькове, Ростове-на-Дону, Воронеже, Горьком, Тбилиси и других городах строительство 4-5-этажных жилых домов осуществляется главным образом по индивидуальным проектам»²¹. В противоположность этому, постановление

Рис. 7. Жилой дом № 46-48 на ул. Чкалова в Москве (ныне – Земляной вал). Арх. Е. Рыбицкий. Москва. Источник: Architettura monumentale. "Репрессированный" дом. – URL: <http://retromoscow.livejournal.com/25372.html>

трансформировало проектные подходы к разработке проектно-сметной документации. Постановление подчеркивало (не замечая, что подобные заявления партия и правительство делали регулярно с интервалом примерно в 5–7 лет начиная с 1920-х гг.): «типовое проектирование жилых и общественных зданий осуществляется в настоящее время более чем 40 проектными организациями различных министерств и ведомств, что не позволяет обеспечить единое методологическое руководство типовым проектированием, унификацию планировочных и конструктивных решений, а также высокое качество разработки типовых проектов»²³.

Явным уроном, нанесенным достоинству профессии, стал тот факт, что Хрущев публично отобрал у нескольких мастеров советской архитектуры самые престижные (и самые денежные) на тот период в стране Сталинские премии, именовавшиеся так в том числе и потому, что их распределял сам Иосиф Виссарионович. Кстати, потом, за все время своего правления Хрущев ни разу не вручил архитекторам ни одной из Ленинских премий, введенных в Советском Союзе вместо Сталинских.

Звания лауреатов Сталинской премии были лишены архитекторы Л.М. Поляков и А.К. Борецкий, получившие ее за проект гостиницы «Ленинградская» (рис. 6).

В постановлении разъяснялось, что, оказывается, Поляков и Борецкий сначала получили Сталинскую премию – за эскиз, а уже потом, при «последующей разработке проекта допустили крупные излишества в объемно-планировочных решениях и архитектурной отделке здания»²⁴. Получалось, что они действовали по личной прихоти: самовольно, решили – и повесили лепнины, захотели – опоясали здание многопрофильным карнизом, расфантажировались и применили «позолоту и роспись потолков, карнизов, дорогостоящие панели из ценных пород дерева, декоративные позолоченные решетки и т.д.»²⁵. При этом выходило, что делали они все это тайно, никому не показывая рабочих чертежей и смет, ни с

предписывало переключаться на массовое возведение дешевого стандартизированного жилья по «высококачественным типовым проектам, обеспечивающим удешевление строительства...»²².

Резким разворотом официального курса партии индивидуальное, штучное проектирование заменялось на типовое и в подавляющей массе превращалось в привязку типовых проектов к конкретным местам, в результате чего «большинство архитекторов долгие годы были вынуждены заниматься усовершенствованием того или иного разработанного прежде типового проекта, либо его размещением на определенном участке. Право на индивидуальный проект давалось только важнейшим объектам, в значительной степени игравшим пропагандистскую роль по созданию видимости приближения коммунистического будущего» [2, с.107].

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» в общегосударственном масштабе

кем их не согласовывая, никого из своего руководства и заказчиков не ставя в известность. И лично курировавший проект Лаврентий Берия, совсем ничего не знал и не замечал, никаких макетов, чертежей и смет никогда не видел. И высшие инстанции, наградив архитекторов главной в стране творческой наградой за эскизный проект, тут же утратили интерес к зданию, перестали интересоваться его судьбой и совершенно не заметили, как архитекторы принялись своевольничать на фасадах и в интерьерах...

Сурово наказали не только авторов проекта гостиницы «Ленинградская». Звания лауреата Сталинской премии, полученного им еще в 1950 г., был лишен и архитектор Е.В. Рыбицкий за архитектуру жилого дома № 46–48 на ул. Чкалова в Москве (ныне – Земляной вал) (рис. 7), практически ничем не отличавшегося от десятков других подробных зданий, возведенных в Москве в послевоенный период. Однако и на его фасадах зоркое партийно-правительственное око обнаружило «дорогостоящие материалы и сложные архитектурные украшения», а внутри здания, кстати, построенного для сотрудников Министерства государственной безопасности, усмотрело «крупные излишества и недостатки в архитектурном и планировочном решениях», проявившиеся в «завышении площадей передних, коридоров и других вспомогательных помещений». Постановление специально подчеркивало, что «стоимость одного квадратного метра жилой площади в этом доме составляет 3400 рублей, что в два – три раза превышает, стоимость жилой площади в экономично запроектированных домах»²⁶.

Нельзя сказать, по кому больше должна была ударить эта часть постановления, публично лишавшего архитекторов Сталинских премий: по авторам проектов зданий или по памяти о всесильном Лаврентии Берия, к моменту выхода постановления уже почти год как расстрелянному. Или по обновленному руководству МГБ, напоминая ему, что живет оно так роскошно только потому, что подобное до поры до времени дозволяется ему высшим партийным руководством страной, которое способно и сурово покарать своих членов, если они позволят себе «отклониться от генеральной линии партии». Покарать если не расстрелами и лагерными сроками, как ранее, то, по меньшей мере, понижением в должности и, как следствие, переселением из роскошных ведомственных полнометражных квартир в «экономично запроектированные дома».

Постановление перечисляло и другие примеры вопиющего перерасхода средств, допущенных конкретными архитекторами в Харькове, Воронеже и др. Однако ни слова не было сказано о том, что в советской командно-административной системе финансирование любого строительства производилось исключительно централизованно и лишь при наличии утвержденных проектов и смет²⁷. Как следствие, все расходы на указанные «излишества» были предварительно многократно проверены, пересчитаны, запротоколированы, согласованы, завизированы, внесены в титульные списки, потому что еще в 1934 г. было принято специальное постановление, предписывавшее «необходимость усиления финансово-сметой дисциплины на строительстве и повышения качества технических проектов и смет», призванных выполнять «организующую и дисциплинирующую роль на стройках»²⁸. И все последующие годы это постановление неукоснительно исполнялось под угрозой административного и уголовного наказания.

Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» «подчищало» недостатки и в системе высшего архитектурного образования. Причина того, что вопросы обучения архитектуре оказались затронутыми на столь высоком правительственном уровне, заключалась в том, что все предшествовавшие годы обучение в немногочисленных советских вузах, готовивших архитекторов и, прежде всего, в самом главном – Московском архитектурном институте, основывалось преимущественно на художественно-стилистической проработке фасадов зданий, так как именно этого требовала официальная государственная художественная политика. Все прочие вопросы – социальные, функциональные, конструктивные – отходили не просто на второй, а на самый задний план. Или вообще исключались. Так, студент Московского архитектурного института второй

половины 1930-х годов Борис Маркус вспоминал, каким странным образом их обучали проектировать жилую архитектуру. Профессора предлагали студентам, не тратя времени на разработку планов жилого дома, выбрать из журнала любую понравившуюся секцию и взяв ее за основу плана, направить все свои усилия на разработку композиции фасадного декора. Причем, речь шла только о главных фасадах, на боковые внимания почти совсем не обращалось: «Серьезным испытанием был для всех проект многоэтажного жилого дома. ... почему-то наши преподаватели повели нас по какому-то своеобразному пути. Возможно, они были правы. Они предложили не останавливаться на проектировании своих секций, не отвлекать себя от главной, как они говорили, темы, от композиции фасада. Предложили просто выбрать любую понравившуюся секцию из журналов, сложить несколько в одну полосу и все внимание обратить на фасад. И, насколько я тогда понял, внимательно надо было прорабатывать только главный фасад, выходящий на улицу или площадь. О боковых как-то не очень думали, вернее, считали их как бы логическим продолжением главного. А о заднем вообще не думали» [9, с. 71].

При таком подходе к обучению архитектурному проектированию социальные вопросы формирования массового жилища не только не решались, даже не ставились. И причина этого подхода заключалась в общем устройстве системы проектного дела, в рамках которой советские архитекторы уже во второй половине 1920-х гг. оказались полностью отстраненными от решения каких бы то ни было стратегических вопросов расселенческой, жилищной, градостроительной политики. Авторы планировок соцгородов и проектов конкретных построек не способны были влиять на типологию жилой архитектуры или нормативные показатели проектируемых ими генпланов. Потому что проектировщикам (и прямо, и косвенно) уже в готовом виде задавались практически все параметры, предопределявшие качество среды обитания: а) расчетная численность населения соцгородов, б) градостроительные принципы формирования селитьбы, в) показатели баланса территории, г) плотность застройки, д) вид планировочной структуры (строчная, периметральная, регулярная, живописная и т.п.), е) иерархия планировочных единиц, ж) уровень инженерного оборудования территории, з) ориентация пешеходных связей, и) количество озеленения, к) виды городского транспорта и проч. Все перечисленные параметры в повседневную практику проектирования внедрялись через нормативные предписания, а также распространялись благодаря отдельным проектам, вырабатываемым и в ходе рабочего проектирования и на специально организуемых конкурсах, итоги которых популяризировались потом через архитектурную печать. Образцы угодных власти формалистических решений также распространялись посредством канонизируемых конкретных построек, назначенных являться образцами для подражания.

Постановление партии и правительства «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» решительно и бескомпромиссно вскрывало ошибки, допущенные системой образования, будто бы программы обучения формировались и утверждались в предшествовавший – сталинский период самим руководством вузов или кафедр, а не Министерством просвещения. Постановление клеймило: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что ошибки в архитектурно-строительной практике во многом определяются также существенными недостатками в подготовке архитектурных кадров. В Московском архитектурном институте и в некоторых других учебных заведениях студентам прививается односторонний, эстетский подход к проектированию жилых, промышленных и общественных зданий»²⁹. Постановление указывало на тот факт, что «значительная часть профессорско-преподавательского состава культивирует не критическое отношение студентов к использованию архитектурных приемов и форм прошлого, ориентирует студентов на разработку только художественных задач, чем по существу прививает им пренебрежительное отношение к удобствам планировки и к вопросам экономики»³⁰, опять же умолчав о том, что ЦК ВКП (б) пятнадцать лет назад столь же решительно призывало к освоению наследия и именно – к «освоению приемов и форм прошлого».

В советский период социальная мимикрия и двоемыслие сформировали в среде советских чиновников всех уровней и всех сфер деятельности своеобразную практику, исходящую из стремления выслужиться перед вышестоящим начальством – они проявляли собственную инициативу для того, чтобы отчитаться в скорейшей практической реализации любых распоряжений партии и правительства. Так, из Московского архитектурного института в это время был изгнан один из самых любимых педагогов – Григорий Алексеевич Захаров [3, с. 7–8] только потому, что он был критически упомянут в постановлении.

По мнению участников тех событий, реформа Хрущева оставила о себе в коллективном бессознательном профессии воспоминание как о резком переломе, «ущемившем архитекторов в деньгах и славе...» [4, с.17], лишившем их творческой работы и унизившем многих достойных мастеров архитектуры. Введение типовых проектов существенно снижало уровень заработной платы архитекторов-проектировщиков, потому что в сталинский период «работа архитектора оценивалась тем выше, чем выше была стоимость художественной отделки здания – чем дороже было запроектированное сооружение, тем выше была стоимость проектных работ, тем больше зарабатывали проектировщики» [7, с. 145].

В хрущевский период архитекторы не только стали значительно меньше получать на своих рабочих местах в государственных проектных организациях, не только лишились многих привилегий «главных строителей», но и утратили смысл творчества, фактически превратившись в инженеров-технологов с художественным образованием, их основной задачей стала расстановка конкретного количества кубиков-домов на предписанном участке территории, величина которого была предварительно строго рассчитана по нормативам. Причем, расставлять таким образом, чтобы обеспечивать уменьшение протяженности инженерных сетей и упрощение процедуры монтажа панелей на стройплощадке без перестановки башенных кранов – в целях экономии денег, затрачиваемых на строймонтаж.

В исторической литературе до сих пор не отрефлексированным остается тот факт, что в результате хрущевских реформ урон был нанесен не только архитектурной профессии, но и профессии инженера-строителя. Это произошло даже несмотря на то, что профессия строителя получила в результате хрущевской реформы статусные преференции и безусловный социально-организационный приоритет, превратившись в главного распорядителя общегосударственными проектно-строительными процессами. Суть ущерба заключалась в следующем. До хрущевской реформы – в конце 1940-х – начале 1950-х гг. исследования, эксперименты и поиски рациональных конструкций в области жилищного (и не только жилищного) строительства осуществлялись одновременно по многим направлениям: а) рационализация кирпичного строительства (ускорение возведения, повышение теплоизоляции стены), б) строительство из бетонных блоков, в) каркасное, г) каркасно-блочное, д) крупноблочное, е) панельное, ж) каркасно-панельные, з) монолитные конструкции, и) конструкции из пластических масс и т.п. Инженеры-строители разрабатывали оригинальные решения, наиболее рациональные и экономичные для конкретных условий строительства, для создания разнообразных видов конструкций, искали и внедряли новые разновидности индустриальных методов строительства. В результате к середине 1950-х гг. был накоплен огромный и разнообразный опыт. Но хрущевская реформа провозгласила главным и фактически единственным видом строительства крупнопанельное, сборное, отбросив все прочие индустриальные методы возведения зданий, прежде всего монолитный железобетон, и это на многие годы остановило прогресс в стране в данной сфере [15, с.120], потому что инженерам фактически запрещалось разрабатывать проекты, в которых содержались детали, не изготавливаемые строительной индустрией или в которых предусматривался монолитный железобетон [15, с. 120]. При этом в целях экономии выпускаемый заводами КПД ассортимент элементов был существенно сокращен.

В результате неизбежного упрощения инженерно-конструкторских задач, вызванного сведением текущей практики лишь к конфигурированию инженерных решений из готовых

элементов, а перспективной тематики – к поискам исключительно в одном, официально дозволенном направлении, получилось, что хрущевская реформа негативно повлияла и на творческий потенциал профессии строителя. В итоге не только на несколько «... десятилетий из архитектурно-строительной практики исчезла возможность ... влияния архитектурной формы на инженерное решение», но и сами инженеры, в рамках введенной свыше строительной политики, вынуждены были отказываться от собственных инициативных поисков новых способов возведения и проектирования зданий [15, с.120].

Внешним наиболее ярким признаком реформы Хрущева было то, что был запрещен сталинский ампир – «архитектурные излишества». Однако перелом в советской архитектуре, инициированный Хрущевым, выходил далеко за рамки чисто формалистических изменений государственного художественного стиля. Под крупнопанельное домостроение, выбранное государственной волей в качестве основного вида жилой застройки, в течение десятка лет была создана новая строительная промышленность – более 400 заводов сборных железобетонных конструкций и 200 строительных полигонов³¹, призванных обеспечивать темпы строительства жилых домов несоизмеримо более высокие, чем при Сталине. Это реально привело к кардинальному изменению «... принципов и подходов, определявших проектирование городов в послевоенное десятилетие, они поменялись на противоположные» [8, с.15]. В частности, обитание людей в коммунальных квартирах было заменено на «индивидуально-семейное», принципиально изменив уклад жизни городского населения. Был трансформирован «норматив» распределения жилья из общегосударственного жилого фонда – теперь семья получала в «хрущевке» отдельную квартиру с кухней, теплым туалетом/ванной, централизованным отоплением, водоснабжением, канализованием. Был осуществлен отказ от квартальной схемы застройки городских территорий, а сам город распался на отдельные «территории», где застройка стала вестись совершенно иными планировочными единицами – микрорайонами [8, с.15].

Но эти изменения и планировочной парадигмы, и теоретико-идеологических постулатов советской градостроительной теории, и нормативной базы, предопределявшей параметры расчетов планировки населенных мест, как и в предыдущий исторический период, по-прежнему осуществлялись сверху. И город по-прежнему оставался объектом волевого командно-административного воздействия со стороны партийных решений и манипулирования со стороны основных застройщиков – производственно-ведомственных начальников [8, с.15] без каких-либо механизмов саморазвития как в отношении застройки, так и в отношении городского сообщества.

Выводы

Судьба архитектурной профессии в СССР, существовавшей в условиях тоталитарного режима, до сих пор скрывает уникальный по своему своеобразию исторический материал – нераскрытый, неисследованный, необобщенный, неописанный. Изучение этого материала позволит отразить крайне неоднозначный и драматичный путь «развития» профессии архитектора в СССР, превращенной в государственную службу. Тот путь, на котором сначала в сталинский период власть изломала профессиональное сообщество, принуждая его проектировать исключительно в рамках художественно-стилистических шаблонов сталинского ампира, а затем в хрущевский период, поменяв доктрину и изменив стилистическую направленность архитектуры, законодательно и публично изломала еще раз, вынуждая проектировать на основе принципов панельного утилитаризма.

Основной результат советской урбанизации каждого из этапов: 1920–1930-х гг. и 1950–1960-х гг. – тотальное лишение населения страны какой бы то ни было субъектности и возможности самостоятельно осуществлять проектирование собственного будущего образа жизни и характера будущей деятельности. В СССР субъектом проектного действия, в широком смысле слова, могло быть только государство. А в рамках сформированной

властью общегосударственной организации проектной архитектурно-градостроительной деятельности профессия архитектора была превращена лишь в инструмент воплощения партийно-государственной воли.

Фактически на всем протяжении существования Советского Союза содержание государственных программ конфликтно не совпадало с традиционными специфическими знаниями, вековой системой ценностей, мировоззрением и творческой позицией профессии архитектора, которая трагически трудно перестраивалась под выполнение задач, выдвигаемых перед ней партийно-государственными органами. На раннем этапе это проявилось в трансформации идеи города-сада под цели социального управления трудовыми ресурсами восстанавливаемой и расширявшейся промышленности, транспорта и энергетики, что привело к формированию доктрины советского рабочего поселка. Эта доктрина полностью отвергала присущую городу-саду возможность самоорганизации населения, самостоятельно создававшего экономические основы строительства персонального жилища с последующим обладанием его и участка земли в частной собственности, с формированием органов общественного самоуправления и т. п. Советский рабочий поселок, в противоположность городу-саду, являлся исключительно государственной (государственно-ведомственной) формой владения, распределения и распоряжения жилым фондом и территорией.

На последующих этапах – со стартом программы индустриализации – профессиональное сообщество пыталось в ходе дискуссии о соцрасселении приспособить свое понимание собственной культурно-исторической миссии к различным трактовкам идеи «обобществления» быта. А затем в процессе кристаллизации концепции соцгорода – ключевого явления советской архитектурно-градостроительной и расселенческой политики, сформировавшейся в конце 1920-х – середине 1930 гг., адаптировать свою деятельность к идеологически провозглашаемым партийно-советской пропагандой лозунгам создания поселений нового типа.

В СССР правильным было только одно мнение – мнение партии, а прогрессивным лишь то, что было ею одобрено. При этом ответственность за эти решения несла не она, а те, на кого указывал правящий перст. Все стратегические решения в отношении изменения направленности расселенческой, градостроительной, жилищной политики принимались высшими органами государственной власти без участия основных специалистов в данной сфере – архитекторов. В итоге на всех этапах изменения советской расселенческой, жилищной, градостроительной политики архитекторы оказывались отстраненными от решения огромного количества вопросов, предопределявших качество среды обитания. Особенно остро эта ситуация проявила себя в период хрущевской реформы. А ее последствия – сегодня ...

Примечания

¹Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷Там же.

⁸О генеральном плане реконструкции города Москвы: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 10 июля 1935 г. N 1435 [Электронный ресурс] – URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4052.htm

⁹Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: Постановление

Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>

¹⁰О прекращении беспроектного и бессметного строительства: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 3 сентября 1934 г. N 2050 [Электронный ресурс] – URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4011.htm

¹¹Там же.

¹²Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>

¹³Там же.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же.

¹⁶РЦХИДНИ. О17. Оп. 119. А. 909. Е. 124-131. Справка Отдела художественной литературы и искусства ЦК ВКП(б) о работе Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – КП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева, сост. А. Артизов, О. Накмов. М.: МФЛ, 1999 – 872 с. – (Россия. XX век. Документы). С. 675-681

¹⁷Там же.

¹⁸Там же.

¹⁹Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Там же.

²³Там же.

²⁴Там же.

²⁵Там же.

²⁶Там же.

²⁷О прекращении беспроектного и бессметного строительства: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 3 сентября 1934 г. N 2050 [Электронный ресурс] – URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4011.htm

²⁸Там же.

²⁹Там же.

³⁰Там же.

³¹Об устранении излишеств в проектировании и строительстве: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55>

Библиография

1. Биографии знаменитых людей. Душкин Алексей Николаевич (1903–1977). [Электронный ресурс] – URL.: <http://biopeoples.ru/architectors/page,2,206-aleksejj-nikolaevich-dushki...>

2. Брновицкая, А. Ю. «Оттепель» и холодная война: выставочные павильоны как экспериментальная площадка новой архитектуры / А. Ю. Брновицкая // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с.

3. Вступительное слово президента Российской академии архитектуры и строительных наук А. П. Кудрявцева на открытии конференции «Эстетика “оттепели”»: новое в архитектуре,

искусстве, культуре». 21 сентября 2011 г. Потрясающее время // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с. – С. 7–12.

4. Демин, Н.М. Архитектор И. Ю. Каракис и его время / Н.М. Демин // Юнаков, О. Архитектор Иосиф Каракис / Олег Юнаков. – Нью-Йорк: Алмаз, 2016. – 544 с.

5. Жилой дом треста «Бузовнынефть». [Электронный ресурс] – URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилой_дом_треста_«Бузовнынефть»

6. Из истории советской архитектуры 1926 – 1931 гг.: Документы и материалы. Творческие объединения. – М.: Наука, 1970. – 212 с.

7. Калашников, Н. Г. Архитектура «оттепели»: стилистические альтернативы и маргиналии / Н. Г. Калашников // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с., С. 144–160.

8. Косенкова, Ю.Л. Представления о «целостном организме города» в период изменения творческой направленности советской архитектуры / Ю.Л. Косенкова // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с., С. 15-75.

9. МАРХИ XX век / Под ред. А. Некрасова, А. Щеглова. Т. 2. – М.: Салон – Пресс, 2006.

10. Меерович, М.Г. Почему в Советском Союзе был запрещен архитектурный авангард / М.Г. Меерович // TATLIN NEWS. – 2016. – № 2 (89) – 232 с.

11. Меерович, М.Г. Почему в Советском Союзе был запрещен конструктивизм / М.Г. Меерович // Новая жизнь памятников конструктивизма: мат-лы науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ю. Тайченачева, Н.А. Алексеева. – Новосибирск: 2015. – 152 с., С. 79–83.

12. Меерович, М.Г. Союз советских архитекторов СССР. Предыстория создания и начальный период существования. / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2017. – № 58. [Электронный ресурс] – URL.: http://archvuz.ru/2017_2/8

13. Селиванова, А. Н. Творческие поиски в теории и практике Советской архитектуры 1930-х годов: дис. ...канд. архитектуры / А. Н. Селиванова. – М., 2009. – 252 с.

14. Тайна симферопольского вокзала: зачем архитектор перепутал знаки зодиака и спрятал античный храм [Электронный ресурс] – URL.: http://crimea.vgorode.ua/news/dosuh_y_eda/205147-taina-symferopolskohe-v...

15. Хан-Магомедов, С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы / С.О. Хан-Магомедов // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 494 с., с. 100-133.

16. Хмельницкий, Д.С. Письмо Эрнста Мая Иосифу Сталину / Д.С. Хмельницкий [Электронный ресурс] – URL.: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569936>

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Меерович Марк Григорьевич
доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный технический университет,
Иркутск, Россия, e-mail: memark@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 05.01.2018
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2018_1/6
© М.Г. Меерович 2018
© УралГАХУ 2018

FORCED CHANGE IN THE DIRECTION OF CREATIVITY IN SOVIET ARCHITECTURE IN THE MID-1950S

Meerovich Mark G.

DSc (History), DSc (Architecture), Professor,
Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia, e-mail: memark@inbox.ru

Abstract

Considering the Resolution of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers dated 4 November 1955 No. 1871 «On Elimination of Excesses in Design and Construction» the author reveals the mechanism used by the authorities for forcing the architectural community to modify the direction of creativity in Soviet architecture in accordance with the challenges of establishing an industry of mass conveyor-type planning and prefab-panel housing construction during Khrushchev's housing reform and considers related typological problems of prefab housing.

Key words

Khrushchev's housing reform, prefab-panel housing construction

References

1. Biographies of Celebrities. Alexey Nikolayevich Dushkin (1903–1977). [Online] Available from: <http://biopeoples.ru/architectors/page,2,206-aleksejj-nikolaevich-dushki...> (in Russian).
2. Bronovitskaya, A. Yu. (2013) «The Thaw» and the Cold War: Exhibition Pavilions as an Experimental Ground for new Architecture. In: Kazakova, O.V. (ed.) The Esthetics of «The Thaw»: the Novel in Architecture, Art, Culture. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (in Russian).
3. Introductory Word of the President of the Russian Academy of Architecture and Civil Engineering A.P. Kudryavtsev at the opening of the conference «The Esthetics of “The Thaw”: the Novel in Architecture, Art, Culture». 21 September 2011. The Amazing Time. In: Kazakova O.V. (ed.) (2013) The Esthetics of “The Thaw”: the Novel in Architecture, Art, Culture. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), p. 7–12 (in Russian).
4. Demin, N.M. (2016) The Architect I.Yu. Karakis and His Time. Yunakov, O. The Architect Iosif Karakis. New-York: Almaz (in Russian).
5. A Residential Building of the «Buzovnyneft» Company. [Online] Available from.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилой_дом_треста_«Бузовнынефть» (in Russian).
6. From the History of Soviet Architecture 1926 – 1931: Documents and Materials. Creativity Associations. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian).
7. Kalashnikov, N.G. (2013) The Architecture of «The Thaw»: Stylistic Alternatives and Marginals. In: Kazakova O.V. (ed.) (2013) The Esthetics of “The Thaw”: the Novel in Architecture, Art, Culture. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), p. 144–160 (in Russian).
8. Kosenkova, Yu.L. (2013) The Ideas of «Holistic City Organism» during the Period of Change in the Creativity Direction of Soviet Architecture. In: Kazakova O.V. (ed.) (2013) The Esthetics of “The Thaw”: the Novel in Architecture, Art, Culture. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), p. 15-75 (in Russian).
9. Nekrasov, A. and Shcheglov, A. (2006) MARHI XX century. Vol. 2. Moscow: Salon-Press. (in Russian).
10. Meerovich, M.G. (2016) Why the Architectural Avant-Garde was banned in the Soviet Union. TATLIN NEWS, No. 2 (89) (in Russian).
11. Meerovich, M.G. (2015) Why constructivism was banned in the Soviet Union. In: Ta-

ichenachev, T.Yu and Alekseyev, N.A. (eds.) *The New Life of Constructivism Monuments*. Proceedings of an International Conference. Novosibirsk, p. 79–83 (in Russian).

12. Meerovich, M.G. (2017) *The Union of Soviet Architects of the USSR. History of Establishment and the Initial Period*. [Online] *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 58. Available from: http://archvuz.ru/2017_2/8 (in Russian).

13. Selivanova, A. N. (2009) *Creative Searches in Theory and Practice of 1930s Soviet Architecture*. PhD dissertation. Moscow (in Russian).

14. *The Mystery of Simferopol's Railway Station: Why did the architect mix up the Zodiac signs and hide the Antique Temple* [Online]. Available from: http://crimea.vgorode.ua/news/dosuh_y_eda/205147-taina-symferopolskoho-v... (in Russian)

15. Khan-Magomedov, S.O. (2013) *Khrushchev's utilitarianism: pluses and minuses*. In: Kazakova O.V. (ed.) (2013) *The Esthetics of "The Thaw": the Novel in Architecture, Art, Culture*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), p. 100-133 (in Russian).

16. Khmel'nitsky, D.S. *Ernst May's letter to Josef Stalin* [Online]. Available from: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569936> (in Russian).

Article submitted 05.01.2018

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2018_1/6

© M.G. Meerovich 2018

© USAAU 2018